Литрес ≡ Классика

Эдгар По

ТАЙНА МАРИ РОЖЕ

Эдгар Аллан По
Тайна Мари Роже

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73908202

Аннотация

Молодой парижский сыщик Дюпен, не выходя из дома, пытается разгадать обстоятельства загадочной гибели продавщицы Мари Роже. Опираясь лишь на газетные отчёты, он показывает, как важно отличать общепринятое мнение от фактов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 22

Эдгар Аллан По
Тайна Мари Роже[1]
(Продолжение «Убийства на улице Морг»)

Существует ряд идеальных событий, которые совершаются параллельно с действительными. Люди и случайности обыкновенно изменяют идеальное событие, так что оно проявляется не вполне, и его последствия тоже оказываются неполными. Так было с Реформацией – вместо протестантизма явилось лютеранство.

Novalis. «Moral Ansichten»[2]

[2] Новалис. Нравственные воззрения *(нем)*.

Немного найдется людей, даже из числа самых спокойных мыслителей, у которых бы не являлось когда-нибудь смутной, но непреодолимой веры в сверхъестественное, вызванной *совпадениями,* до того невероятными, что ум отказывался считать их *только* совпадениями. От этого чувства – ибо смутная полувера, о которой я говорю, никогда не приобре-

тает силу мысли, – от этого чувства можно отделаться, только обратившись к учению о случае, или, как его называют технически, к теории вероятностей. Теория же эта, по существу, математическая; таким образом, аномалии самых твердых и точных научных фактов приложимы и к самому призрачному духовному из наиболее духовных умозрений.

Необычайные происшествия, о которых я намерен сообщить, представляют в отношении последовательности времени первичную ветвь ряда почти невероятных *совпадений,* вторичную, или заключительную, ветвь которого читатели найдут в недавнем убийстве *Мэри Сесилии Роджерс* в Нью-Йорке.

Изобразив в статье «Убийство на улице Морг», напечатанной в прошлом году, некоторые замечательные черты характера моего друга шевалье К Огюста Дюпена, я не имел в виду когда-либо возвращаться к той же теме. Моя цель исчерпывалась изображением характера, а странное стечение обстоятельств, благодаря которому мог проявиться особый дар Дюпена, давало возможность осуществить эту цель. Я мог привести и другие примеры, но они не выяснили бы новых черт. Однако недавние события в их поразительном сцеплении побудили меня прибавить еще несколько штрихов к сказанному. После того, что мне привелось услышать недавно, странно было бы с моей стороны хранить молчание о том, что я слышал и видел много лет тому назад.

Распутав трагическую загадку, связанную с убийством

госпожи Л'Эспане и ее дочери, шевалье перестал следить за этим делом и вернулся к своему прежнему угрюмому и мечтательному существованию. Склонный по натуре к мечтам, я охотно поддавался его настроению, и, проживая по-прежнему в Сен-Жерменском предместье, мы предоставили будущее воле судеб и мирно дремали в настоящем, набрасывая дымку грез на окружающий мир.

Но грезы эти иногда прерывались. Весьма понятно, что роль моего друга в драме улицы Морг произвела впечатление на умы парижской полиции. Имя его сделалось известным среди ее представителей. Ни префект, ни другие члены полиции не знали, каким простым рядом умозаключений он был приведен к разгадке, – все это казалось им почти чудесным, и аналитические способности шевалье приобрели ему славу почти ясновидящего. Его откровенность могла бы уничтожить этот предрассудок, но беспечный характер заставил его забыть о происшествии, раз оно потеряло интерес в его собственных глазах.

Таким-то образом Дюпен очутился в положении звезды, неотразимо притягивающей взоры полицейских, и нередко префектура обращалась к нему за содействием. Один из самых замечательных примеров – убийство молодой девушки по имени Мари Роже.

Это происшествие случилось два года спустя после зверского убийства на улице Морг. Мари, имя и фамилия которой невольно наводят на мысль о несчастной жертве нью-

йоркского убийства, была единственной дочерью вдовы Эстеллы Роже. Отец умер, когда девушка была еще ребенком, и со времени его смерти мать и дочь жили на улице Сент-Андре[3], откуда последняя переселилась только за полтора года до убийства, послужившего темой нашего рассказа. Вдова держала pension[4], дочь помогала ей. Так шло дело, пока дочери не исполнился двадцать один год. В это время ее красота привлекла внимание парфюмера, лавка которого помещалась в подвальном этаже Пале-Рояля, а покупатели принадлежали главным образом к числу отчаянных авантюристов, которыми кишит этот квартал. Месье Леблан[5] очень хорошо понимал, как выгодно будет для его торговли присутствие хорошенькой Мари за прилавком; а девушка согласилась поступить в его магазин, хотя ее матери, видимо, это не нравилось.

Надежды торговца вполне оправдались – его лавочка вскоре приобрела известность благодаря красоте бойкой grizette[6]. Она провела за прилавком около года, когда вдруг ее обожатели были поражены исчезновением хорошенькой продавщицы. Месье Леблан не мог объяснить ее отсутствия, а госпожа Роже была вне себя от беспокойства и страха. Газеты немедленно занялись этим предметом, и полиция наме-

---

[3] Nassau Street.

[4] Пансион *(фр.)*.

[5] Андерсон.

[6] Гризетка *(фр.)*.

ревалась предпринять серьезное расследование, когда в один прекрасный день спустя неделю Мари, здоровая и невредимая, но несколько печальная, снова появилась за прилавком.

Разумеется, всякое расследование, кроме некоторых справок, было тотчас же прекращено. Месье Леблан по-прежнему уверял, что ничего не знает. Мари и мать ее отвечали на расспросы, что она, Мари, провела неделю в деревне у одного родственника. Так это дело и заглохло и было забыто, тем более что девушка, которой, очевидно, надоели назойливость и любопытство посетителей, вскоре распростилась с парфюмером и переселилась обратно под крылышко матери, на улицу Сент-Андре.

Спустя пять месяцев после возвращения под родительский кров друзья Мари были встревожены ее вторичным исчезновением. Прошло три дня, а о ней не было ни слуху ни духу. На четвертый тело ее было найдено в Сене[7] близ отмели против улицы Сент-Андре, недалеко от Barriere du Roule[8].

Жестокость этого убийства (факт убийства был очевиден), красота и молодость жертвы, а главное – ее прежняя известность возбудили большое волнение в сердцах чувствительных парижан. Я не могу припомнить другого случая, который произвел бы такое сильное впечатление. В течение нескольких недель только и разговоров было, что об убийстве Мари, – даже о политике на время забыли. Префект из

---

[7] Гудзон.

[8] Weehawken.

кожи лез, и парижская полиция напрягала все свои силы.

Когда нашли тело, никто не сомневался, что убийца вскоре попадется в руки сыщиков; только спустя неделю была назначена награда за поимку, да и то небольшая – в тысячу франков. Тем временем следствие продолжалось деятельно, но не всегда разумно, и много лиц было допрошено зря; а возбуждение публики, подстрекаемое неразгаданностью тайны, росло. На десятый день сочли нужным удвоить награду, а когда прошла еще неделя в бесплодных поисках и раздражение против полиции, всегда существующее в Париже, проявилось в нескольких серьезных emeutes[9], префект решил назначить двадцать тысяч франков «за открытие убийцы» или, предполагая, что их было несколько, «за открытие одного из них». Обещалось также полное помилование соучастнику, который выдаст товарища; а вместе с этим объявлением всюду расклеивалось другое, частное, от комитета граждан, назначивших десять тысяч франков в дополнение к официальной награде. Вся сумма, стало быть, достигала тридцати тысяч франков – награда, без сомнения, огромная, если принять во внимание скромное положение девушки и обычность подобных злодейств в больших городах.

Теперь никто не сомневался, что тайна немедленно раскроется. Но хотя и были произведены два-три ареста, обещавшие успех, однако никаких результатов не было, подозрения не подтвердились, и арестованные были отпущены на

[9] Уличные волнения (*фр.*).

свободу. Как это ни странно, но три недели прошли в бесплодных поисках, прежде чем слухи о событии, так взволновавшем публику, достигли до меня и Дюпена. Погруженные в исследования, которые поглощали все наше внимание, мы уже более месяца никуда не выходили, никого не принимали и только мельком заглядывали в политический отдел газет. Первое известие об убийстве мы получили от самого Г. Он явился к нам собственною персоной под вечер 14 июля 18… года и просидел у нас до поздней ночи. Он был огорчен неудачей своих поисков. Репутация его, говорил он с особенным парижским акцентом, висит на волоске. Даже честь его задета. Взоры публики устремлены на него, и он готов на какую угодно жертву для разъяснения этой тайны. Он закончил свою довольно забавную речь похвалами «такту» Дюпена и сделал ему откровенное и весьма щедрое предложение, которое я не считаю себя вправе передавать, да оно и не имеет прямого отношения к рассказу.

На комплименты друг мой отвечал, как умел, но предложение принял без отговорок Покончив с этим, префект начал излагать свои собственные соображения, сопровождая их длинными комментариями к показаниям свидетелей, – показания еще не находились в наших руках. Он говорил пространно и, конечно, с большим знанием дела; наконец я решился заметить, что ночь уже на исходе. Дюпен, сидя в своем любимом кресле, казался воплощением почтительного внимания. Во время этого разговора он надел очки. За-

глянув случайно за их синие стекла, я убедился, что он покоился тихим, но крепким сном в течение нестерпимых семи-восьми часов, пока сидел префект.

Утром я получил в префектуре протоколы свидетельских показаний и добыл в различных редакциях все номера газет, где было помещено что-либо важное относительно этого грустного происшествия. Освобожденная от явных вздоров, вся эта масса данных сводилась к следующему.

Мари Роже оставила квартиру своей матери в Сент-Андре около девяти часов утра в воскресенье двадцать второго июня 18… г. Уходя, она сообщила господину Жаку Сент-Эсташу[10], и только ему одному, о своем намерении провести день этот у тетки на улице Дром. Дром – небольшой и узкий, но многолюдный переулок близ реки, в двух милях, по кратчайшей дороге, от pension госпожи Роже. Сент-Эсташ был признанный обожатель Мари и нанимал комнату со столом у ее матери. Он должен был отправиться под вечер за своей возлюбленной и проводить ее домой. Но к вечеру пошел сильный дождь, и, предполагая, что Мари останется ночевать у тетки, как это случалось раньше при подобных же обстоятельствах, он не счел нужным сдержать свое обещание. С наступлением ночи госпожа Роже (дряхлая семидесятилетняя старуха) выразила опасение, что ей «никогда больше не придется увидеть Мари», но слова эти в то время были оставлены без внимания.

---

[10] Пэн.

В понедельник узнали, что девушка не являлась на улицу Дром, и когда день прошел, а она не возвращалась, начались поиски по городу и в окрестностях. Но только на четвертый день после ее исчезновения поиски привели к определенному результату. В этот день (среда, 25 июня) некий господин Бовэ[11], разыскивавший девушку с одним из своих приятелей, в окрестностях Барьер дю-Руль на берегу Сены, против улицы Сент-Андре, услыхал, что рыбаки только что вытащили из воды труп. Увидев его, Бовэ после некоторых колебаний признал Мари. Его приятель узнал ее скорее.

Лицо налилось кровью. Пены на губах, какая бывает у утопленников, не было. Клетчатка не была обесцвечена. На шее виднелись синяки и следы пальцев. Руки были сложены на груди и окоченели. Правая рука оказалась сжатой, левая – полуоткрытой. На левой руке замечены две кольцеобразные ссадины, по-видимому от веревок или от веревки, два раза обернутой вокруг руки. Ссадины оказались также на правой руке, на спине, а в особенности на лопатках. Чтобы вытащить тело на берег, рыбаки обвязали его веревкой, но она не оставила никаких ссадин. Шея сильно вздулась. Она была обмотана шнурком так туго, что он врезался в тело и не был заметен снаружи; узел приходился под левым ухом. Одно это уже могло причинить смерть. Медицинский осмотр засвидетельствовал целомудрие покойной. Она, по показанию медиков, подверглась грубому насилию. Тело находилось в таком

[11] Кроммелин.

состоянии, что друзья покойной признали ее без труда.

Одежда была изорвана и в беспорядке. Из платья вырвана полоса шириною в фут – от нижней каемки до талии, но не совсем оторвана. Она была три раза обернута вокруг талии и завязана петлей на спине. Под платьем находилась рубашка; из нее тоже вырван лоскут в восемнадцать дюймов шириной, вырван осторожно, ровным куском. Он был обмотан вокруг шеи и завязан узлом.

Поверх лоскута и шнурка повязаны ленты шляпки – морским узлом.

Когда тело было узнано, его не отправили в морг (эта формальность казалась излишней), а поспешили похоронить тут же поблизости.

Господин Бовэ старался избежать огласки этого происшествия, и прошло несколько дней, прежде чем публика заволновалась. Наконец одна еженедельная газета[12] взялась за эту тему: тело было вырыто и подверглось новому осмотру, который, впрочем, ничего не прибавил к тому, что выяснилось раньше. Одежда была предъявлена матери и друзьям покойной и признана ими за ту, которая была на девушке, когда она уходила из дома.

Между тем возбуждение росло час от часу. Несколько лиц было арестовано. Особенное подозрение возбудил Сент-Эсташ, который сначала не мог объяснить, где он провел день, когда Мари ушла из дому. Впоследствии, впрочем, он пред-

[12] «Нью-йоркский вестник».

ставил господину Г. удовлетворительное объяснение.

По мере того как время шло, а тайна оставалась нераскрытой, тысячи слухов возникали в обществе, а журналисты придумывали всевозможные объяснения. Особенно взволновало предположение, что Мари Роже еще жива, что в Сене найдено тело какой-то другой несчастной. Считаю нелишним сообщить читателям некоторые из статей на эту тему. Статьи дословно переведены из «L'Eto'ile» – газеты вообще хорошо осведомленной.

«Мадемуазель Роже оставила квартиру своей матери утром в воскресенье двадцать второго июня 18…, с тем чтобы идти к своей тетке или другой родственнице на улицу Дром. С этой минуты ее не видали. Никаких известий, никаких сведений о ней не получено… Никто из знакомых не видел ее в этот день после того, как она ушла от матери… Мы не имеем никаких доказательств, что Мари Роже была в живых после девяти часов в воскресенье, но можем сказать с уверенностью, что до девяти часов она была жива. В среду около полудня был найден труп женщины на отмели близ Барьер дю-Руль. Это составит – если даже мы предположим, что Мари Роже была брошена в реку не позже чем через три часа после того, как вышла из дому, – всего трое суток. Но было бы нелепо предположить, что убийство совершилось задолго до полуночи. Виновники таких злодейств ищут тьмы, а не света… Итак, если тело, найденное в реке, – тело Мари Роже, то оно пробыло в воде не более двух с

половиной дней, самое большее три. Опыт показал, что тела утопленников или тела, брошенные в воду тотчас после убийства, всплывают только дней через шесть – десять, когда разложение достигнет значительной степени! Если даже пушка выстрелит над телом и оно всплывает ранее пяти-шести дней, то сейчас же погрузится снова. Почему же в данном случае произошло отступление от естественного хода явлений?.. Если изуродованное тело было спрятано где-нибудь на берегу до ночи со вторника на среду, нашлись бы следы убийц. Сомнительно также, чтоб оно всплыло так скоро, даже если бы было брошено в воду через два дня после смерти. И наконец, совершенно невероятно, чтобы негодяи, совершившие убийство, не догадались привязать к трупу какую-нибудь тяжесть, когда это было так легко сделать».

Далее автор старается доказать, что тело находилось в воде «не три дня, а добрых две недели», ибо успело разложиться до такой степени, что Бовэ узнал его лишь с трудом. Впрочем, этот последний пункт оказался неверным. Продолжаю перевод.

«На каком же основании господин Бовэ утверждает, что это был труп Мари Роже? Он отвернул рукав платья и нашел приметы, удостоверившие его в том, что он не ошибся. Публика предполагала, что эти приметы – родимые пятна или рубцы. В действительности господин Бовэ нашел на руке волоски, то есть нечто совершенно неопределенное, примету, на которой так же нельзя основать никакого заключения, как

на том факте, что в рукаве оказалась рука. Господин Бовэ не возвращался в этот день домой, а к восьми часам вечера уведомил госпожу Роже, что следствие по поводу ее дочери продолжается. Если преклонный возраст и горе госпожи Роже не позволили ей самой выйти из дома (что вполне допустимо), то хоть кто-нибудь из близких явился бы на место действия, раз предполагали, что это труп Мари. Никто, однако, не явился. Никто из обитателей дома на улице Сент-Андре не слыхал и не знал об этом происшествии. Господин Сент-Эсташ, обожатель и жених Мари, проживавший в доме ее матери, узнал о нахождении тела своей возлюбленной только на следующее утро, когда господин Бовэ явился к нему и сообщил о происшествии. Странно, что подобное известие могло быть принято так равнодушно».

Газета старалась подчеркнуть равнодушие друзей и родных Мари, равнодушие совершенно неестественное в том случае, если бы они действительно верили в ее смерть. Намеки газеты сводились к следующему:

Мари, с ведома своих друзей, уехала по делу, набрасывающему тень на ее нравственность, – и вот они воспользовались находкой тела, напоминавшего отчасти эту девушку, чтобы пустить слух о ее смерти. Но «L'Eto'ile» чересчур поторопилась. Равнодушия, о котором она толковала, вовсе не было; напротив, старуха мать слегла от волнения, а Сент-Эсташ пришел в такое исступление от горя, что господин Бовэ просил друзей и родственников присматривать за ним и ни за

что не допускать его к телу покойной. Далее, хотя газета уверяла, что погребение тела было совершено за общественный счет, что семья решительно отклонила предложение устроить частные похороны, что никто из родных не присутствовал при погребении, – хотя, говорю я, «L'Etoile» приводила эти факты в подтверждение своей мысли, но все они были опровергнуты. В следующем номере газеты была сделана попытка набросить тень на самого господина Бовэ.

Автор статьи писал:

«Теперь дело представляется в ином свете. Мы слышали, что, когда госпожа Б. была у госпожи Роже, господин Бовэ, уходя из дома, просил ее в случае появления *жандарма,* которого ожидали в доме, не сообщать ему ничего до возвращения его, господина Бовэ… По-видимому, господин Бовэ считает это дело своим личным. Без господина Бовэ нельзя шагу ступить… Он почему-то решил, что никто, кроме него, не должен мешаться в следствие и, судя по показаниям родственников, устранил их довольно странным образом. По-видимому, ему очень не хотелось, чтобы родные увидели тело».

Следующий факт придавал известный оттенок подозрению, наброшенному таким образом на господина Бовэ. Один из посетителей его конторы за несколько дней до исчезновения девушки и в отсутствие хозяина заметил *розу* в замочной скважине его двери и имя *«Мари»* на аспидной доске, висевшей подле.

По общему мнению газет, Мари сделалась жертвой *шайки* негодяев, которые изнасиловали и убили ее. «Le Commercial»[13], газета очень влиятельная, явилась наиболее серьезным представителем этого мнения. Цитирую ее статью:

«Мы убеждены, что следствие находится на ложном пути, раз оно сосредоточено в окрестностях Барьер дю-Руль. Особа, известная тысячам людей в этой местности, не могла бы и трех шагов ступить, не будучи узнана кем-либо; а всякий, узнавший ее, вспомнил бы об этом, так как она интересует всех. Когда она ушла из дому, улицы были полны народа… Невозможно, чтобы она дошла до Барьер дю-Руль или улицы Дром не замеченная, по крайней мере, десятком лиц, а между тем никто не видал ее вне дома матери, и нет никаких доказательств, кроме ее собственных слов, что она ушла из дому. Ее платье оказалось изорванным, обмотанным вокруг талии и завязанным на спине в виде петли, за которую, очевидно, тащили труп. Если бы убийство совершилось у Барьер дю-Руль, не было бы надобности в таком приспособлении. Правда, ее тело найдено около Барьер, но из этого вовсе не следует, что оно здесь же было брошено в воду… Из юбки несчастной девушки был вырван лоскут в два фута длиною и фут шириной и обмотан вокруг шеи, вероятно, для того, чтобы заглушить крики. Это было сделано людьми, которые

[13] Торговая, коммерческая газета (*фр.*).

обходятся без носовых платков».

За день или за два до посещения нас господином Г. полиция узнала новый и весьма важный факт, по-видимому совершенно опровергавший мнение «Le Commercial». Два мальчугана, сыновья некоей госпожи Делюк, рыская по лесу вокруг Барьер дю-Руль, забрались в рощицу, в глубине которой три или четыре больших камня были сложены наподобие скамьи со спинкой и сиденьем. На верхнем камне лежала белая юбка, на втором – шелковый шарф. Тут же валялись зонтик, перчатки и носовой платок. На платке было вышито имя «Мари Роже». На окружающих кустарниках нашлись клочки платья. Трава была смята, почва притоптана – очевидно, здесь происходила борьба. Между рощицей и рекой изгородь была сломана, и на земле замечены следы, доказывавшие, что тут волокли какую-то тяжесть.

Еженедельная газета «Le Soleil»[14] посвятила этому открытию следующую статью, в которой отразилось общее настроение парижской прессы:

«Вещи, очевидно, лежали здесь три или четыре недели. Все покрылись плесенью; некоторые обросли травой. Шелковая материя зонтика еще крепка, но нитки совершенно истлели. Верхняя часть покрылась плесенью и ржавчиной и порвалась, когда зонтик был открыт… Лоскутья, вырванные из одежды кус тарниками, достигают трех дюймов в длину и шести в ширину. Один из них – кусок оборки платья, другой

[14] «Солнце» (*фр.*).

– обрывок подола. Они висели на изломанном кусте, на фут от земли. Нет сомнения – место гнусного насилия найдено».

Вслед за этим открытием явилось новое показание. Госпожа Делюк заявила, что она держит гостиницу недалеко от берега реки против Барьер дю-Руль. Местность вокруг пустынная. По воскресеньям в гостиницу собираются разные головорезы из города, переезжая реку на лодках. Около трех часов пополудни в воскресенье двадцать второго июня явилась туда девушка в сопровождении молодого человека, брюнета. Оба посидели несколько времени в гостинице, затем ушли по направлению к соседней роще. Госпожа Делюк вспомнила, что на девушке было такое же платье, какое оказалось на убитой. В особенности ясно помнила она шарф. Вскоре после ухода молодых людей явилась толпа каких-то сорванцов; они шумели, ели и пили; ушли, не расплатившись, по тому же направлению, в котором скрылась парочка. В сумерки они вернулись в гостиницу и поспешно переправились на ту сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.